

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иозефовичъ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 7.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 (19) Декабря 1880 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1881 ГОДА.

Издание А. А. Иозефовича, под редакцією А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣдпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . . 10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой . . . 12 „ „	7 „ „	4 „ „	1 „ 40 „
Съ перес. извноруд. . 12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экзemplаръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но канцлярскій срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иозефовича; тамъ-же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартина и „Новое Время“, въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ Н. Н. Шолохова; въ Царствѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Вильяма; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родзевича.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Телеграммы. II. Руководящая статья по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства. IV. Внутреннія извѣстія: а) городская и земская хроника, б) корреспонденціи. V. Обозрѣнія газетъ и журналовъ. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Вѣщанія корреспонденціи. VIII. Сѣкъ. IX. Выржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

РЕДАКЦИИ ОБЪЯВЛЯЮТЪ ПОСТОЯННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СЛѢДУЮЩІХЪ ЛИЦЪ:

Проф. М. М. Алексеевскаго, Н. С. Аболакова, А. А. Аманова, Я. О. Балашова, проф. П. Н. Бекетова, С. Я. Вильяма, проф. К. К. Гаттенбергера, проф. Л. Г. Гурманова, П. Н. Горлова, А. Н. Гусева, Г. И. Давыдова, проф. Д. М. Деякова, К. К. Дельцова, доц. А. Е. Зайцева, проф. В. А. Зеленогорскаго, Н. С. Златовратскаго, проф. А. И. Кириченкова, доц. П. И. Ковалевскаго, доц. Н. О. Кузнецова, проф. В. Т. Лавровскаго, проф. А. С. Лебедева, Е. Т. Леонова, А. П. Лункина, проф. Ю. И. Мозолевскаго, проф. И. Н. Петрова, А. М. Собольскаго, проф. И. П. Соколовскаго, доц. Н. Ф. Сырова, Г. И. Успенскаго, Н. О. Фесенко, проф. Л. С. Цыгановскаго, проф. Г. М. Цыгановскаго, Г. С. Чиркова, В. В. Чиркова, проф. А. П. Шмидтова, доц. К. П. Яроша, проф. Н. К. Яковлева и другіе.

Главная контора газеты проситъ Г. П. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газетъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 6-го декабря 1880 г.
Телеграммы (отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и отъ Международнаго Телегра. Агентства).

Вѣстникъ профессоръ Бенедиктъ — о подготовкѣ студентовъ-подполковъ.
Мѣсячная хроника: Земельскій отдѣлъ. Дальнейшее обозрѣніе докладовъ о земскомъ страхованіи мѣры противъ пожаровъ. Отчетъ управы о состояніи народнаго здравія и медицинской части въ Харьковѣ въ 1879 году. — По поводу записки историко-филологическаго общества Им. Харьк. Унив. верситета. — Смертность отъ дифтеріи. — Осмотръ зданій общества непереносимыхъ пріоритетовъ. — Докладъ проф. А. Шимкова. — Изданіе записокъ Харьк. отд. Импер. Рус. техн. общества. — Спектакль и маскарадъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Харьк. Ветеринарнаго Института. — Нѣсколько неурядицъ на школьной учебной жизни.

Выступленія въ Харьковѣ. Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Ростова на кону. — Пожаротроствительнаго ското-земледѣльческаго общества Им. Харьк. Унив. верситета св. Владимира. — Такса на хлѣбъ въ Полтавѣ. — Пожизненное членство въ Николаевѣ и Воронежѣ. — Средство противъ чумы. — Превращеніе чумы въ холеру въ Привольѣ. — Даровая столовая въ Саратовѣ. — Комиссія для окончательной ликвидаціи отбѣднѣлаго солончковаго завода. — Воспріимчивость въ Крыму пилоридныхъ холер. Гибель яхты „Амалетъ“. — Извѣстіе о бывшей пугачевѣ Митрофанѣ. — История возникновенія въ Тифлисѣ юмористическаго журнала „Фаланга“.

Обозрѣнія газетъ и журналовъ.
Сѣкъ.
Биржевая хроника.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Фельетонъ: „Лѣбѣ“ (изъ памятной книжки), Глубя Успенскаго.
Объявленія.

Харьковъ, 6 Декабря 1880 г.

Давно уже показано и доказано, какъ важны изученіе и наблюденіе государственной и общественной жизни у народовъ, имѣвшихъ то, что можно назвать историческимъ опытомъ. Вотъ почему, между прочимъ, получаютъ такой интересъ внутреннія дѣла современной Франціи, которая служила, въ самыя важныя эпохи своей исторіи, главною ареною политическихъ опытовъ для всей Западной Европы. Даже нѣмецкіе писатели — конечно, за исключеніемъ публицистовъ съ направленіемъ и взглядами профессора Трейчке — сознаются, что не было, въ области политики и права, ни одного вопроса, который бы не подвергся переработкѣ на почвѣ Франціи, и притомъ, нѣрѣдко, въ интересахъ дальнѣйшаго движенія его среди прочихъ странъ и націй Западной Европы.

Замѣчанія эти, быть можетъ, заста-

влять читателей нашей газеты обратить серьезное вниманіе на парламентскія пренія, предстоящія въ скоромъ времени во Франціи по поводу дополненій къ новымъ избирательнымъ законамъ. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что отъ этихъ законовъ зависитъ, въ значительной степени, дальнѣйшая судьба нынѣ установившейся формы правленія во Франціи. Стоить бросить самый бѣглый взглядъ на исторію государственныхъ учрежденій этой страны, чтобы согласиться съ мнѣніемъ о существованіи близкой, даже неразрывной связи между избирательными законами и всею конституціей Франціи, — конституціей, которая построена на коренныхъ идеяхъ и началахъ: политическаго верховенства націи и всеобщаго голосованія, какъ практическаго приложенія этого верховенства самимъ народомъ. Безъ всеобщаго голосованія, другое основное начало государственнаго права Франціи — *souveraineté nationale* — сей часъ же обращается въ отвлеченную и неопредѣленную идею, которая, быть можетъ, сослужила свою историческую службу въ моментъ перехода прежняго политическаго строя въ новый, но на которой (идеѣ) нельзя построить ничего прочнаго именно по причинѣ ея безусловныхъ и абстрактныхъ очертаній. Вотъ почему, едва ли можно встрѣтить француза съ какою-нибудь политическимъ образованіемъ, который бы не признавалъ, что государственное устройство его родины немисливо безъ надежныхъ обезпеченій для искренности и правильности дѣйствій при всеобщей подачѣ голосовъ.

Такимъ образомъ становится яснымъ, почему вопросы избирательнаго права, обсужденіе которыхъ теперь на очереди во Франціи, могутъ и будутъ всегда имѣть влияние на политическое развитіе этой страны. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что дополненія къ законамъ о выборахъ, связанныя съ недавно внесеннымъ проектомъ Барду, не могутъ коснуться основнаго начала въ организаціи избирательнаго права. Начало это — всеобщая подача голосовъ, *suffrage universel* — останется неизмѣненнымъ въ естественной простотѣ своей давнишней уже формулы. Но простота и „естественность“ тѣхъ или другихъ юридическихъ и политическихъ началъ не всегда обезпечиваетъ собою легкость, послѣдовательность и вѣрность ихъ примѣненія. Мало того, чтобы высказать и даже съ точностью выразить извѣстное начало въ политической хартіи или въ законодательствѣ. Нужно еще развить изъ этого начала

много было и такихъ, которые сплѣлись „тихо-благородно“ одѣвшись въ новыя ситцевыя сарафаны и рубашки и скромно пощипывая подсолнухи; но много было и крика и говора и шума; вагоны съ трудомъ пробивались въ этой сыпучей толпѣ, наполовину отуманенной виномъ, въ этой толпѣ обимавшихся, шатавшихся, падавшихъ и прямо валившихся лошадямъ подъ ноги... Неумолкаемый звонокъ кондуктора, едва былъ слышенъ, въ морѣ всевозможныхъ звуковъ, криковъ, шпесенъ, брани... Бравъ въ особенности энергичная, а главное, почти безпрерывная шла между кондукторами вагоновъ и публикой... Спорили и ругались изъ за сиди, изъ за мѣста и т. д. Поминутно изъ всѣхъ концовъ, до хрипоты, кондуктора воили: „вѣдь русскимъ языкомъ говорятъ нѣтъ мѣстовъ! Куда лѣзешь, говорятъ мѣстовъ нѣтъ! Тебѣ говорятъ невозможно стоять! Вотъ сейчасъ позову горюхового... Что это такое? и т. д. безъ конца.

Именно вотъ въ такой-то шумной, тѣсной, приливной компаніи мнѣ пришлось ѣхать на верхушкѣ конки, подвизавшей рабочую публику отъ Харьковской заставы къ Юанну Предтечи, къ празднику. Ѣхалъ я не вслѣдствіе какой либо необходимости, а единствен-

но вслѣдствіе желанія какъ-нибудь искусственно утѣшить себя, *измѣнить*, — желаніе весьма странноподумаетъ читатель. Желаніе точно странное; но кто изъ провинціаловъ, заброшенныхъ на долгіе годы въ столицу, не переживалъ во временахъ минутъ необычайной тоски, — и не собственно по родинѣ, — а почему то уже почти позабытому, что столичная жизнь уже выѣла, но что *одну* становится ужасно жалъ, такъ жалъ, что не знаешь куда дѣться. Въ такія минуты, это почти забытое, это спрятанное въ самый темный уголъ души, это ненужное въ столичной суетѣ, бѣготѣ, хлопотахъ, — вдругъ выйдетъ изъ своего темнаго угла, заропщетъ, и засытитъ тебя.... Особливо въ послѣдніе годы; кромѣ полузабытаго, и настоящее ежедневное снѣдало петербуржца (да и не однихъ петербуржцевъ) ужасающею тоскою. Бывали минуты смертоубийственнаго холода, которымъ дышали жизни, и въ такія минуты тоска доходила до полнаго отчаянія. Вотъ въ такія-то минуты необходимо было предпринять что-либо механическое, чтобы согрѣться, оттаять, очувствоваться, чтобы „забыться“ и заснуть“, заснуть въ буквальномъ смыслѣ т. е. умять себя и свои нервы такъ чтобы нельзя было не заснуть.... Вотъ въ одну изъ

подобныхъ минутъ я сѣлъ на верхушкѣ конки, хорошо непомню гдѣ, и добжалъ по линіи до конца, а тамъ пересѣлъ на новую, и поѣхалъ дальше... Толпа, чужіе люди, чужія рѣчи, толкотня, физическая усталость, — все это было хорошо какъ искусственное размыкание тоски...

II.

Очень — очень долго я нѣсколько порою, а даже съдѣлалъ нечувствительно относился къ толчмъ и пинкамъ, которыми награждали меня сосѣди, по верхушки конки, устремившіеся къ празднику. Долго я опущалъ только одно, — что меня качаетъ спереди на задъ, и что я поминутно стучаюсь спиной о спинку сидѣнія... Нѣкоторое время я совершенно спокойно смотрѣлъ на полу моего палъто, прожонную папирсую какого-то сосѣда, и, какъ кажется, полагаю, что моя обязанность по отношенію къ прожонной дырѣ заключается только въ томъ, чтобы съ почтеніемъ взирать на нее и вслѣдствіи не препятствовать ей, постоянно увеличивавшимся размѣрамъ... Нѣкоторая способность думать, чувствовать и слышать стали возвращаться ко мнѣ по мѣрѣ физическаго утомленія. Въ смыслѣ этого перехода отъ смерти къ жизни, немало помогъ

ЛЮБЯ.

(Изъ памятной книжки).

I.

...У Юанна Предтечи, на Литовкѣ — храмовой праздникъ.

Это праздникъ, пренебреженно, чернобачаго народа; праздникъ мелкаго торговца, словомъ праздникъ людей „сѣрыхъ“, работающихъ; вся Литовка, — длинная въ нѣсколько верстъ улица, какъ извѣстно населена именно этимъ сѣрымъ рабочимъ народомъ; здѣсь квартиры и дворы легковѣжъ и троичныхъ извозчиковъ, сѣнные склады, постоянные дворы для приѣзжихъ подгородныхъ крестьянъ, масса кабаковъ, портняжнихъ, закусовыхъ, съѣстныхъ и т. д. Какъ въ дополненіемъ, производимѣмъ Литовки служатъ съ одной стороны Обводный каналъ, пересѣкающій ее почти въ концѣ (если идти отъ вокзала николаевской дороги) и на всемъ своемъ громадномъ протяженіи густо обстроенный всевозможными фабриками и заводами и населенный тысячами чернобачаго народа съ другой, — тоже рабочая окраина Петербурга, центромъ которой можно считать Литовку, — продолжается за николаевскій вокзалъ по тому же Обводному каналу, шпильбургской дорогѣ,

далеко по Невѣ за село Рыбацкое... На всемъ этомъ пространствѣ не одного десятка верстъ, когда то раздѣлявшемся на слободы, села съ приходами, а въ настоящее время слившимся въ одну сплошную линію заводовъ и рабочихъ помѣщеній, — между рабочимъ народомъ образовалась какая-то связь, одинаковость интересовъ, работъ и заботъ... Конно-железныя дороги, соединяющія село Рыбацкое — дальній пунктъ Шпильбургской дороги, съ Нарвской заставой, — дальній пунктъ Нарвскаго тракта, еще болѣе развили потребность общенія, вытекающую изъ одинаковости условий стотысячной массы народа, разселенной по петербургскимъ окраинамъ. Неудивительно поэтому, что храмовые праздники, празднества, приходы разныхъ церквей, расположенныхъ на этой рабочей дорогѣ, — дѣлаются мало помалу праздниками какъ бы общими для всей многотысячной рабочей колоніи... Изъ подъ села Рыбацкаго ѣдутъ праздновать къ Нарвской заставѣ, на Митрофаньевское кладбище, изъ подъ Нарвской заставы, пересаживаясь съ конки на конку, добираются въ гости въ село Рыбацкое, въ Смоленское, Александровское. Конно-железныя дороги очень много содѣйствуютъ удобствамъ передвиженія на такихъ дальнихъ разстоя-

практическую важность, которую могут иметь удачно-оконченные опыты современной Франции в области избирательного права.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южн. Край“).

С.-Петербург, 6 (18) декабря, суббота. „Голосъ“ телеграфируетъ изъ Москвы слѣдующія подробности: вчера въ университетской сходкѣ участвовали 416 студентовъ—медики. Присутствовали 4 студента, исключенные за произнесение рѣчей въ аудиторияхъ; они подбавляли товарищамъ требовать отмены ихъ исключенія. Нѣкоторые студенты, не доверяя заявлению, что ректоръ нѣтъ дома, намѣревались сдѣлать въ его квартирѣ обыскъ, но были удержаны. Арестованныхъ отвели въ пересыльную тюрьму и переписали имена.—Полиція и жандармы охраняли студентовъ отъ насилія собравшейся толпы.

Бѣлградъ, 5 (17) декабря, пятница. Народная скупщина создана на 18-е декабря.

Лондонъ, 6 (18) декабря, суббота. Извѣстіе, будто правительство обсуждало вопросъ о введеніи въ Ирландію военно-судебной процедуры лишено основанія.

Одесса, 6 (18) декабря, суббота. Совѣтъ университета избралъ Менделѣева почетнымъ членомъ.

Петербургъ, 6 (18) декабря, суббота. Дума признала, что только имущественный цензъ даетъ право избанія въ гласные. Въ октябрѣ текущаго года привезено въ Петербургъ 1.662,000 пудовъ хлѣба, а въ октябрѣ 1879 года 7.386,000 пудовъ.

Москва, 6 (18) декабря, суббота. На дняхъ, совѣтъ университета вынужденъ былъ исключить пятиерыхъ студентовъ за безпорядки на лекціи проф. Зернова. Всера толпа студентовъ первокурсниковъ, нахаживая исключеніе несправедливымъ, собралась на дворѣ университета и требовала къ себѣ ректора для объясненія. Ректоръ не явился. Къ университету прибылъ отрядъ жандармовъ и полиціи. Оберъ-полицеймейстеръ дважды просилъ разойтись. Получивъ отказъ, жандармы оцѣпили толпу студентовъ, арестовавъ около 400 человѣкъ. Ни малѣйшаго сопротивленія оказано не было. Сегодня, Москвитія въ домострой помѣстили статью, переполненную возмутительными инсинуациями на профессоровъ и либеральную печать.

(отъ Междунар. Телегр. Агентства).

Москва, 5 (17) декабря, пятница. Сегодня на дворѣ зданія Университета собралась сходка студентовъ-медики, требовавшихъ ректора для объясненія по поводу не раздѣльнѣй, возникшихъ у нихъ съ профессорами Снигиревымъ и Зерновымъ. Ректоръ не вышелъ, а отпразднелъ къ Генералъ-Губернатору. Оберъ-Полицеймейстеръ предложилъ студентамъ разойтись, но они отказались и произвели нѣкоторые безпорядки; тогда дворъ Университета былъ оцѣпленъ полиціей и жандармами. До 400 собравшихся студентовъ арестованы и отправлены въ пересыльную тюрьму.

одинъ мастеровой несказанно разсмѣившій всю компанію, погмѣщавшуюся на верхушкѣ конки.

Поднялся онъ на верхушку вагона съ величайшими усиліями, точно больной,—такъ началъ его хмѣль, по поднявшись вдругъ обнаружилъ крайне буйный нравъ, и моментально подыалъ цѣлую бурю такъ сказать коллективной брани.

— Гдѣ моя сумка? загремѣлъ онъ, обращаясь неизвѣстно къ кому, но такимъ требовательнымъ тономъ, что и публика и кондукторъ, всѣ вмѣстѣ грянули ему въ отвѣтъ:

— Пошолъ вонъ! Пьяная морда! Кто за твоей сумкой приставленъ смотрѣть! Вонъ съ вагона!... Ишь калача какаа выставилась!...

— Подавай! вопилъ мастеровой такъ градомъ ругательства и вопилъ такъ, что очевидно хотѣлъ всѣхъ покрыть и явно не намѣренъ былъ сдаваться... Ты зачѣмъ приставленъ? Ты кондукторъ? Ты—подавай!

— Я вотъ тебя въ часть, пьяного зельм! — Подавай сумку!...

— Потребовать городского! Докуда это будетъ?

— Ты зачѣмъ приставленъ? — Пошолъ вонъ!

— Гдѣ моя сумка! Подавай мнѣ!

Ты зачѣмъ приставленъ? Отвѣчай!

Вдругъ я почувствовалъ, что около меня лежатъ что-то твердое. Оглянувшись я увидѣлъ сумку.

— Эта чтоль сумка? спросилъ я.

— Во-о-о!... Ана, Ана!...

Петербургъ, 5 (17) декабря, пятница. Сегодня выѣхалъ заграничій Великій Герцогъ Ольденбургскій. Тифлисъ, 5 (17) декабря, пятница. Кавказское Медицинское Общество избрало Проф. Менделѣева своимъ почетнымъ членомъ.

(отъ случайнаго корреспондента).

Ст. Гуты, (Сумской желѣзной дороги), 6 (18) декабря, суббота, 2 часа по полудни. Сахарный заводъ горитъ.

Вѣнскій профессоръ Бенедиктъ — о подготовкѣ студентовъ-медики.

Въ недавно вышедшей брошюрѣ о каталеніи и мисеризмѣ, составляющей докладъ, читанный въ Обществѣ врачей нижней Австріи, вѣнскій профессоръ Бенедиктъ останавливается, между прочимъ, на недостаточности подготовки, съ какою поступаютъ въ университетъ лица, посвящающія себя изученію медицины. Взглядъ, высказываемый иностраннымъ профессоромъ, не лишонъ интереса и для насъ, въ особенности въ настоящее время, когда опять подымается вопросъ о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ училищъ на медицинскій и физико-математическій факультетъ Университета. Вотъ что говоритъ проф. Бенедиктъ: медикъ долженъ получить математическо-механическое образованіе, какъ инженеръ; онъ долженъ быть дисциплинированъ въ духѣ Канта. Въ дѣйствительности же, хотя съ „аттестатами зрѣлости“, но неврѣдкимъ приступаетъ онъ къ своимъ занятіямъ и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ корнѣ уничтожена легенда классическаго воспитанія. Последнее есть „умственная клоака“, но такая, которая мѣшаетъ намъ правильно ходить. Я сомнѣваюсь, чтобы этотъ переворотъ вышелъ изъ среды старыхъ культурныхъ народовъ запада: преданіе есть сильное оружіе, но въ то же время крѣпкія оковы. Когда болѣе молодая нація, сѣверо-американская и русская, освободится отъ естественнаго честолюбія идти наравнѣ съ болѣе старыми, когда ихъ здравый смыслъ, не слишкомъ связанный преданіями, одержитъ верхъ, тогда произойдетъ эта реформа и воспитаніе рѣшительно станетъ на почву новѣйшаго міровоззрѣнія. До тѣхъ поръ намъ все придется смотрѣть, какъ медицинскій міръ будетъ признавать заблужденіе за истину и истину за заблужденіе, и вмѣсто постоянной работы—подвигаться впередъ лишь конвульсивными толчками.

Мѣстная хроника.

Земскій отдѣлъ.

Дальнѣйшее Обозрѣніе докладовъ о земскомъ страхованіи: мѣры противъ пожаровъ.

Начиная съ 1869 года министерство неоднократно обращалось къ земству съ предложеніемъ изыскать мѣры къ уменьшенію числа сельскихъ пожаровъ и сокращенію ихъ размѣровъ. Земство не одинъ разъ также обсуждало этотъ вопросъ въ своихъ губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ—и выработало рядъ правилъ, съ одной стороны предписывающихъ непосредственнымъ мѣрамъ предосторожности отъ пожаровъ, съ другой, направленныхъ къ измѣненію существующихъ способовъ расположенія и постройки крестьянскихъ селеній. Существенную помощь противъ пожаровъ земство оказало затратою 10% изъ страхового капитала на по-

купку огнегасительныхъ снарядовъ, которыми и снабжена, по отзаву г. начальнича губерніи, большая часть селеній. Но правила, изданныя земствомъ плохо примѣнялись, отчасти, потому, что въ этомъ дѣлѣ сталкивались, часто противорѣча другъ другу, земство, полиція и волость, вслѣдствіе недостаточнаго разграниченія сферы вѣдѣнія по данному предмету каждаго изъ этихъ учрежденій. Кромѣ того, нѣкоторые изъ этихъ правилъ, вырабатанныхъ уѣздными земствами, оказались или вовсе неудобными, или же касались такихъ мелочей, слѣдить за исполненіемъ которыхъ нѣтъ практической возможности.

Въ результатѣ получилось то, что дѣло борьбы съ пожарами не дало до настоящаго времени желаемыхъ результатовъ и что пожары возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Это вынудило правительство, въ 1879 году, снова обратиться къ земству съ предложеніемъ—заболотиться изданіемъ новыхъ постановленій для огражденія отъ огня строеній и крестьянскихъ запасовъ хлѣба, опредѣлить правила для построекъ въ селеніяхъ и возможныхъ способовъ къ переустройству всѣхъ вообще селеній. Принимая во вниманіе это предложеніе правительства, губернская управа рѣшилась пересмотрѣть прежнія постановленія губернскаго и уѣздныхъ земствъ—по этому предмету и нашла многія изъ нихъ неудобными для примѣненія. Таково, напримѣръ, обязательное опредѣленіе расстоянія между усадьбами и широты деревенскихъ улицъ, съ безвозмезднымъ отчужденіемъ усадьбы земли подъ улицы и проулки между каждыми четырьмя усадьбами, и выселеніе нѣкоторыхъ домохозяевъ даже на выгонную и полевою землю принадлежащую крестьянскому обществу. Это постановленіе служитъ источникомъ большой несправедливости, уменьшая и безъ того скудные усадьбы на дѣль крестьянъ, особенно бывшихъ помѣщичьихъ, принуждая нѣкоторыхъ отдавать безъ всякаго вознагражденія свою воздѣланную, засаженную деревьями, усадьбу землю за такое же количество полевою или выгонной земли. Если же, какъ бываетъ иногда, такой полевою и выгонной земли у крестьянскаго общества неимѣется, то упомянутое постановленіе прямо rovnается изгнанію части крестьянъ изъ родной деревни, съ конфискаціею ихъ имущества въ пользу другихъ. И все это безъ всякаго вознагражденія! Однимъ словомъ, эта часть строительныхъ правилъ нарушаетъ существующія отношенія крестьянской деревни и нарушаетъ далеко не въ пользу послѣдней не давая въ замѣнъ ничего лучшаго.

Обязательное устройство крышъ изъ соломы, смоченной глиною, часто бываетъ не подъ силу крестьянину, требуя болѣе средствъ и извѣстныхъ знаній, болѣе прочаго основанія, что при дороговизнѣ дѣсноваго матеріала не можетъ быть обязательнымъ. Распоряженіе о посадкѣ деревьевъ вокругъ усадьбы часто не могло быть примѣнено по недостатку молодыхъ деревьевъ, въ продажѣ которыхъ было отказываемо крестьянамъ даже въ дѣсныхъ казенныхъ дачахъ. Точно также предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ токовъ и складовъ хлѣба въдали отъ селеній не можетъ быть примѣнено при недостаткѣ крестьянской усадьбы и вообще надѣла. Принимая многія изъ прежнихъ постановленій земства, а также нѣко-

торыя изъ предложеній г. министра, управа предлагаетъ ходатайствовать о томъ, чтобы пощеніе о благоустройствѣ селеній, въ отношеніи строительномъ, торговомъ и промышленномъ, равно какъ разрѣшеніе, указаніе мѣста и опредѣленіе числа питейныхъ заведеній, было предоставлено всецѣло и единственно земству. Ходатайствовать также о томъ, чтобы отчужденіе земли, при постройкахъ послѣ пожаровъ, было совершенно за вознагражденіе изъ страхового земскаго капитала; приглашать сельскихъ жителей устраивать всѣ зданія изъ камня, кирпича и другихъ негорючихъ матеріаловъ, кирпичъ устраивать соломеннымъ съ глиною, черепицы и желѣзныя, смотря по средствамъ каждаго, давая при этомъ нѣкоторыя льготы по страхованію такихъ построекъ. Предписывается, дажѣ, осторожное обращеніе съ огнемъ, запасъ воды въ бочкахъ, ночные сторожа, имѣніе пожарныхъ инструментовъ, отпускаемыхъ изъ губернской управы, учрежденіе пожарныхъ старостъ, слѣдщихъ за исполненіемъ этихъ правилъ, наложеніе штрафа за уклоненіе отъ послѣднихъ. При всемъ этомъ, нужно помнить говорить управѣ, что нельзя искать спасенія отъ бѣдствія, причиняемаго пожарами, въ изданіи стѣснительныхъ, неудобноисполнимыхъ, не по средствамъ населенія постановленій. „Вспомнивъ полное, во всѣхъ отношеніяхъ, убожество нашего крестьянина, легко заключить, что пожаръ въ селеніи—явленіе естественное, и до той поры, пока неизмѣнитъ-ся весь строй жизни, экономическія условія быта и степень умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, всѣ стремленія людей класса управляющаго, руководителей или опекуновъ, сократить размѣры того или другого бѣдствія, а въ частности пожаровъ, введеніемъ различныхъ обязательныхъ къ исполненію стѣснительныхъ мѣръ, повинностей и т. п. останутся одними лишь благочестивыми желаніями благонамѣренныхъ народныхъ попомечителей“. Эти слова стоятъ въ началѣ доклада управы, къ мысли же въ нихъ выраженной она приходитъ и въ концѣ его.

отомъ управы о состояніи народнаго здравія и медицинскій части въ губерніи въ 1879 г.

Медицинская помощь оказана земствомъ по всей губерніи 214,874 чел. Изъ нихъ 4754 лечились въ губернской земской больницѣ, а 210,120 чел. въ уѣздныхъ. Кромѣ того, въ богадѣльнѣхъ и отдѣленіи бродягъ при первомъ же 1 января 1880 г. состояло 145 чел. Далѣе въ родильномъ домѣ было въ продолженіе года 228 беременныя, на 52 чел. болѣе противъ прошлаго года. Въ пріютѣ подкидышей состояло 900 дѣтей. Такимъ образомъ, земствомъ оказана помощь въ поддержаніи здоровья и жизни 216,147 человѣкамъ. Въ губернской земской больницѣ наибольшій процентъ,—21,81% составляли болѣе вѣсническими болѣзнями; общій процентъ смертности въ ней 6,4% менѣе противъ 1878 на 1%. Въ уѣздахъ наибольшую смертность давалъ дифтеритъ, унесшій 6,323 чел. изъ 11,478 заболѣвшихъ. Всѣхъ земскихъ врачей въ уѣздахъ губерніи состояло 46, (всего болѣе въ Сумскомъ 7), ветеринаровъ 4, фельдшеръ 221, повивальныхъ бабокъ 67 (въ Сумскомъ уѣздѣ 21). Кромѣ того учится медицинѣ на земскій счетъ: въ фельдшерской школѣ 70 стипендіатовъ

стѣ сдѣлать и произведу тебя поэтомъ! Ну, слава тебѣ, лакей, лакей! Въ холонъ! А я, дуракъ, не понимаю... Вѣдь дуракъ я? Господа? да! само собой, я глупъ вполне!.. Въ лакей-тебя награждаю!.. А я дуракъ,—убѣги!.. Ахъ животное!.. Бить! одно, одно и есть средство! Бить надо всасчески! Обломать, чтобы слыть-то всѣ эти съ мужика спшибы,—вотъ тогда онъ пойметъ, образуется... Би-ты!... Самое первое лекарство! Натуральное—минеральное... А то, помилуйте,—животное... Да, господа? Ну конешно!.. Непрерывный, хотя и сдерживаемый изъ опасенія проронить хоть одно ядовитое слово, хохотъ продолжался все время этого монолога, который прерывался только потому, что мы подѣхали къ мосту царскосельской ж. д., гдѣ должны были пересаживаться въ другой вагонъ.

III.

Громадной массой столпились мы,—публика—предъ заставой дороги, опущенной послухаю прохода поѣзда изъ Царскаго села, и потомъ, когда заставу отворили—бурнымъ потокомъ хлынули къ вагонамъ южно-желѣзной дороги. Ораторъ, смѣшившій публику, исчезъ въ этой тѣсотѣ и давкъ и я съ величайшими усиліями пробравшись въ вагонъ, очутился въ совершенно новомъ обществѣ. Рядомъ мной усѣлся два мастерowychъ,—одинъ дюжій чернобородый мужикъ въ синей чуйкѣ тонкаго сукна, плотный коренастый и красивый, другой, длинный какъ вежа, блондинъ, и ужасно

и 12 своекоштныхъ; въ повивальномъ училищѣ пансіонеровъ 12 и приходящихъ 27—всего 39. О числѣ земскихъ стипендіатовъ на медицинскомъ факультетѣ университета не упоминается. Израсходовано на медицинскую часть: по губернской больницѣ и принадлежностямъ къ ней учрежденіямъ 160,967 р.; на борьбу съ дифтеритомъ 75,785 р.; изъ которыхъ 50,000 ассигнованы правительствомъ; на родильный домъ и повивальное училище 6378 р.; на пріютъ подкидышей ассигновано 34,000 р. и 18,000 отпущено управою заимообразно. Всего губерскимъ земствомъ израсходовано 295,130 р. Уѣздными земствами на медицинскую часть израсходовано 207,530 р.; при чемъ наибольшій расходъ сдѣлалъ земства Сумское и Волчанское. Менѣе всего Харьковское и Валковское. Въ первомъ изъ этихъ нѣтъ ни одной больницы. Изъ докладовъ управы по этому отдѣлу слѣдуетъ обратить вниманіе на одинъ, говорящій о готовности правительства дать земствамъ пособие на улучшеніе домовъ для умалишенныхъ, и о возможности для Харьковскаго губернскаго земства купить мѣсто, для постройки новаго дома для умалишенныхъ, подѣ Харьковомъ за 9580 р. (бывшія дачи Павлова и Соленикова).

По поводу засѣданія историко-филологическаго общества Императорскаго Харьковскаго Университета 3 декабря 1880 года.

3 декабря, въ одной изъ залъ Харьковскаго университета происходило засѣданіе историко-филологическаго общества. Засѣданіе началось чтеніемъ профессора А. С. Лебедева, который, на основаніи собранныхъ имъ архивныхъ документовъ, сдѣлалъ краткій историческій очеркъ одной небольшой монашеской пустыни, находившейся въ 30 верстахъ отъ г. Курска, на рѣкѣ Сеймѣ, и извѣстной подъ именемъ Ельпинской Троицкой пустыни. Эта небольшая пустынь и послужила профессоръ Лебедю мѣстомъ изученія монашескихъ нравовъ XVIII столѣтія. Онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть жизнь настоятелей или строителей пустыни,—какъ называло ихъ епархіальное начальство,—за сравнительно небольшой промежутокъ времени, лѣтъ за 60 или 70; тѣмъ не менѣе и этого было совершенно достаточно, чтобы составить полное понятіе о томъ невѣжествѣ и объ той глубокой безнравственности, какія господствовали среди монашествующаго духовенства XVIII столѣтія, если не всей Россіи, то по крайней мѣрѣ, Курской епархіи. Мошеничество, пьянство и блудъ—вотъ главныя характерныя черты отцовъ Дмитрія, Памсія, Ермогена и другихъ настоятелей Ельпинской Троицкой пустыни. Эротическія похоти каждаго изъ нихъ поражаютъ своею безмерностью и безобразіемъ. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на строгость инструкцій, какими снабжался каждый строитель, отправляясь на управленіе пустынею. Ему предписывалось жить такъ, чтобы служить примѣромъ нравственности для монаховъ и наблюдать, чтобы послѣдніе не пьянствовали въ стѣнѣ монастыря и чтобы они, въ свою очередь, служили примѣромъ для мирянъ. Между тѣмъ отецъ Памсій (1752 г.), заручившись этими инструкціями, дѣбировалъ тѣмъ, что, отправившись

съ другимъ монахомъ въ городъ за покупкою церковнаго вина, напился мертвецки пьянъ и провелъ ночь въ самомъ необузданномъ разгулѣ. Драки во время богослуженія практиковались не одними настоятелями, но иногда и самими Курскими архіереями, а потому не удивительно, что начальство сквозъ пальцы смотрѣло на шалости, какъ называло оно всевозможная безчинства своихъ подчиненныхъ. Впрочемъ за особенно скандальныя похоти монаховъ начальство ихъ строго наказывало. Такъ въ 1754 году, какъ говоритъ профессоръ, съ словъ монастырскаго хартіи, одинъ курскій монахъ Авксентій, напившись пьянымъ до безчувствія, предался любовнымъ похотямъ. Солдатъ-гренадеры, вѣрному гулявшіе вмѣстѣ съ монахомъ, захотѣли подпугнуть надъ нимъ. Найдя его у одной женщины, они силой съ него монашеское платье, одѣли на монаха женскій нарядъ, коконникъ на его голову и въ такомъ видѣ привели несчастнаго въ монастырь. Начальство, узнавши объ этомъ скандалѣ, наказало монаха плетми, въ виду того, что онъ причинилъ affrontъ и конфузъ всему монастырю, какъ говоритъ архивный документъ. Таковыя характеристики нашихъ монаховъ XVIII столѣтія. Онѣ напоминаютъ намъ новеллы Бокачіо, только въ другомъ стилѣ. Послѣ этого общенитереснаго общенія, профессоръ А. А. Потѣбня изложилъ свое специальное изслѣдованіе о словахъ: село, деревня, погостъ и корчма. Почтенный профессоръ, при помощи ряда фонетическихъ объясненій и историческаго разбора понятій, которыя обозначались словами село и деревня, пришелъ къ выводу, что подъ словомъ село разумѣлось не поселокъ, не поселеніе людей, а поле, нива и вообще земля, назначенная для эксплуатаціи ея человекомъ. Точно также подъ словомъ деревня надо разумѣть понятіе о вытербенномъ, выкорчеванномъ мѣстѣ для поля, для нивы.

Изъ сообщенной намъ вѣдомости о дифтеритныхъ больныхъ въ Харьковской городской дифтеритной больницѣ оказывается, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года смертность отъ дифтерита равнялась 22%. Наибольшее число больныхъ поступило со слѣдующихъ уѣздовъ: со Старо-Кладбищенскаго—12; Екатеринославскаго—8; Михайловскаго—5; Сумскаго—4; Университетскаго, Сѣриковскаго и Искринскаго по 3; Московскаго, Конторскаго, Бапарскаго, Мѣланскаго, Ключковскаго, Ващенковскаго переулъ и села Безлодовки—по 2. Остальные 29 съ разныхъ уѣздовъ всѣхъ частей города—по 1.

Въ засѣданіи Общества исправительныхъ пріютовъ 2-го декабря члены правленія согласились отпразднать въ воскресенье, 7 декабря, для осмотра оконченныхъ зданій пріюта. Поѣздъ к. х. аз. ж. д. отходилъ изъ Харькова въ Дергачи въ 8 час. 14 мин. утра, обратно въ 12 час. 12 мин. дня.

Намъ сообщаютъ, что въ субботу, 20 декабря въ засѣданіи Харьковскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, товарищемъ предсѣдателя Отдѣленія профессоромъ А. П. Шимковимъ будетъ сдѣланъ докладъ: „Во что обходится городу Харьковъ его неблагоустройство“.

комъ... Одно слово—убью! Безъ разговору... Коротко и ясно... Тресну—и аминъ со святыми упокой... Ты что пре-пят-ствуешь? ты какъ можешь не покисить!... Ахъ ты... Мм...лгать! Ни покисить!... Убью въ полномъ видѣ... Ишолъ сюда!...

— Ползай, чего сталь? заговорилъ дюжій... Долго толь съ тобой возжаться-то? Ну только, по-м-ни...

— Пом-мни!... Помни свой послѣдній вздохъ... какъ пикнулъ,—тутъ тебѣ и окончаніе.

— Ну-ну! какъ то потнне заговорилъ дюжій мужикъ и помогъ лѣтъ на верхушку маленькому лѣтъ одинадцати, худенькому черномазенному мальчику. Мальчикъ былъ честный, въ длиннополомъ сюртукѣ, новомъ картузикѣ,—но робокъ и пугливъ—былъ ужасно... Онъ испуганно озирался, очутившись на такой высотѣ, цѣпо хваталъ за руку отца, за перила и даже присѣдалъ, боясь ступить; конка тронулась, вагонъ покачнулся и мальчикъ побѣдѣлъ какъ полотно...

— А-а-а! сказалъ злородно долговазый—ба-ишь пострѣлъ этакой... А какъ пренятствовать старшимъ,—такъ этого не боишься?... Погоди вотъ... Видишь вотъ кональ-то?... я тебя, вотъ передъ Богомъ, возму за ноги да и громыхну туда!...

— Ну будетъ тебѣ, бадалайка! Чего ужъ по-пусту-то пугаешь... съ легкимъ укоромъ перебрелъ его дюжій со-сѣдъ, почти насильно сажая Мишку, нехотѣвато выпустить изъ рукъ желѣзныя перилья, къ себѣ на колѣно. Ужъ чего по-пусту-то... Вѣдь такъ пугать

